

Марина Ветрова ✦ Камила Левитан

Игрушка жестокого наследника.

Ты хотел сломать меня,
но я забрала золото!

Марина Ветрова

**Игрушка жестокого наследника.
Ты хотел сломать меня,
но я забрала золото!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Игрушка жестокого наследника. Ты хотел сломать меня, но я забрала золото! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Алиса Волкова пришла в элитную спортивную академию за победой, а получила личного врага. Глеб Волков — богатый наследник, капитан команды и любимец руководства. Один неудачный выстрел превращает её жизнь в испытание: угрозы исключения, унижения, жестокие тренировки и чужие интриги. Он уверен, что сможет подчинить упрямую стипендиатку. Она намерена доказать, что её талант не продаётся. Но чем ожесточённее их противостояние, тем опаснее становятся чувства. Когда соперница решает уничтожить Алису перед решающим турниром, девушке придётся выбрать: принять помощь человека, который едва её не сломал, или рискнуть всем ради победы и собственного права выбирать. Сумеет ли Глеб заслужить доверие той, кого привык контролировать?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Марина Ветрова, Камила Левитан

Игрушка жестокого наследника. Ты хотел сломать меня, но я забрала золото!

Глава 1

Запах свежего лака и стерильной холодности ударил в нос, стоило мне переступить порог зала стрельбы «Стрела». Это место было не просто комнатой с мишенями; это был храм для избранных. Для тех, чьи родители могли купить целое предприятие ради того, чтобы их чадо держало лук правильно. Я же была здесь по ошибке системы, которую называли стипендией. Свой старый лук я уже вынула из чехла у входа. Мой рюкзак висел на плече слишком низко, а дешевая спортивная форма шуршала так, будто кричала о бедности хозяйки.

Виктория уже ждала. Она стояла у линии старта, окруженная своей свитой — тремя парнями, которые смотрели на нее как на божество, и двумя девушками, копирующими каждую ее гримасу. Когда я подошла к своему месту, Виктория демонстративно шагнула навстречу.

— Пахнет мылом из масс-маркета, — прошептала она мне прямо в ухо, и от этого шепота меня передернуло. — Или это запах страха? Он так липко въедается в кожу.

Она подставила ногу ровно в тот момент, когда я делала шаг. Мир качнулся. Я почувствовала, как носки кроссовок цепляются друг за друга, как тело теряет опору. В зале повисла пауза, готовая лопнуть смехом. Но я не упала. Инстинкт выживания, натренированный годами жизни в общежитии, где нужно было быть быстрее всех, сделал свое дело: я резко развернула корпус, перенесла вес и восстановила равновесие за секунду до падения. Костяшки моих пальцев побелели, сжимая рукоять лука. Виктория фыркнула, разочарованная тем, что шоу сорвалось, но её глаза блеснули злобой. Теперь я была не просто новенькой. Я была занозой.

Тренер Громов хлопнул в ладоши, требуя тишины. На линию огня вышел он. Глеб. Капитан сборной, сын владельца академии и человек, который, казалось, состоял из одного только льда и идеальных линий. Он не оглянулся на аудиторию. Зачем ему зрители, если он сам себе режиссер? Его движения были механически точными, лишёнными всякого сомнения. Поднять лук. Натянуть тетиву. Выдохнуть.

«Звук.»

Звук этот не походил на щелчок: это был гул ветра, прорезанный сталью. Стрела впилась в самый центр золотого круга мишени, пробив бумагу насквозь. Зал вздохнул. Идеально. Как всегда.

Комиссия, сидящая в первом ряду, одобрительно кивнула. И тут взгляд тренера скользнул ко мне.

— Алиса Волкова. Контрольный выстрел. Сразу после капитана. Сравним результаты.

Мое сердце пропустило удар. Не просто сравним. Публично унижат. Я вышла на позицию. Руки дрожали. Легкий ветерок из кондиционера показался мне ураганом, способным сбить траекторию полета моей жизни. Я закрыла один глаз, пытаюсь сосредоточиться, но перед внутренним взором стояла спина Глеба. Широкая, уверенная, неприступная. Он даже не повернулся ко мне. Я ждала этого поворота, как удара: сейчас посмотрит, оценит и увидит, что я провалилась.

Паника начала расползаться по грудной клетке, душа горло. «Не смотри на цель», — вспомнила я голос деда. «Смотри сквозь неё. Цель — это иллюзия. Важно то, что внутри тебя.»

Я сделала вдох. Слишком резкий. Диафрагма спазмировалась. Тетива соскользнула с пальца раньше, чем я успела стабилизировать дыхание.

Мир замедлился. Я видела, как стрела срывается с места. Она летела неправильно, с заметным перекосом влево. Не в пол. Не в стену. Прямо в металлический щиток, который Глеб небрежно оставил на столике у левого края мишеней.

«Дзинь!»

Звон металла о металл разрезал тишину зала так остро, что у кого-то из зрителей перехватило дыхание. Тишина стала плотной, осязаемой. Все головы повернулись ко мне. А затем — к нему.

Глеб медленно обернулся. Он не выглядел испуганным. Он выглядел оскорбленным. После команды тренера «Стоп, луки вниз!» он сходил за щитком. Медленно снял очки, достал платок и начал вытирать вмятину, словно там сидела мерзкая муха, а не только что ударила моя стрела. Он прошел несколько шагов ко мне, заставляя меня отступить от линии. Его тень легла на меня, тяжелая и давящая.

— Ты только что подписала себе приговор, — прошептал он. Голос был тихим, но в мертвой тишине зала он звучал как гром среди ясного неба. — Случайность не имеет права на существование в этом месте.

Холодный пот стекал по спине. Мне хотелось провалиться сквозь землю, извиниться, заплакать, умолять о пощаде. Если я сломаюсь сейчас, они съедят меня заживо. Стипендия исчезнет, жизнь вернется к нулю. Но если я отвечу дерзостью, меня уничтожат медленнее и больнее.

Я подняла подбородок. Посмотрела ему прямо в глаза. Серые, бездонные, опасные.

— Это был не промах, — мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить четко. — Это был тест на вашу реакцию, капитан. Вы были слишком заняты своим эго, чтобы заметить угрозу сбоку.

Зал ахнул. Кто-то из студентов присвистнул. Виктория замерла с открытым ртом, предвкушая триумф, но получив лишь недоумение. Глеб остановился. На мгновение мне показалось, что он ударит меня. Вместо этого он усмехнулся. Страшно.

Тренер Громов попытался вмешаться:

— Глеб, оставь. Девочка нервничает. Давай перделаем...

— Нет. — Глеб жестом руки, похожим на команду генерала, остановил тренера. — Отстранить её от тренировок до выяснения обстоятельств. Ректор должен принять решение немедленно.

Ректор, пожилой мужчина с седеющими висками, заколебался. Авторитет семьи Волковых перевешивал любые правила. Мы с Глебом были однофамильцами — только ему эта фамилия открывала двери, а меня сейчас выставляли за порог. Мне дали пять минут на сбор вещей. Пять минут на смерть карьеры.

И тогда вперед шагнул парень из задних рядов. Денис. Инженер-баллистик, тихий, очкастый, с пятном чернил на рукаве рубашки. Для большинства спортсменов он был просто парнем, который чинил датчики. Его расчётами пользовались все, но здороваться с ним почему-то забывали.

— Данные датчиков ветра показывают порыв в 4 метра в секунду именно в момент выпуска, — сказал Денис спокойно, протягивая планшет тренеру. — Ранний выпуск есть, но вентиляция добавила боковое отклонение. Кроме того, столик с экипировкой капитана находился в секторе стрельбы. Если бы там стоял человек, это уже была бы травма. Это не покушение. Это статистика.

Громов просмотрел графики, вернул Денису планшет и повернулся к ректору:

— Оснований для исключения нет. Технику выпуска разберём отдельно. Столик убрать из сектора.

Ректор кивнул. Даже королям приходится считаться с физикой. Глеб сверлил Дениса взглядом, полным яда, но не мог опровергнуть графики. Он отвернулся, и, проходя мимо меня, наклонился так близко, что я почувствовала запах дорогого табака и мятной жвачки.

— Следующая стрела будет твоей последней, — прошептал он.

Я выжила. Но цена была высока. Теперь я знала: я под колпаком.

Зал я покинула первой, не дожидаясь итогов. Остаток дня прошёл как в тумане: лекции, чужие шёпотки за спиной, обед в дальней столовой, где никто не смотрит в глаза. Когда команда разошлась по делам, я осталась одна в тишине пустого корпуса.

Вечер опустился на академию серым одеялом. В раздевалке команды пахло потом, кожей и дорогими дезодорантами. Я осталась одна, разбирая свой старый, потертый лук. Каждый узел, каждая царапина на рукояти рассказывали историю моего одиночества.

Дверь скрипнула. Я не обернулась, решив, что это уборщица. Но шаги были тяжелыми, размеренными. Знакомыми.

— Тебе нравится читать чужие дневники? — спросила я, продолжая натягивать новую тетиву.

Глеб не ответил сразу. Он закрыл дверь. Щелчок замка прозвучал выстрелом. Затем он обошел скамейку и встал напротив меня. В руках он держал мою тетрадь по тренировкам. Ту, что я забыла в аудитории.

— Ошибка в стойке. Локоть уходит назад на два градуса. Это создает лишнюю нагрузку на плечо. Через полгода ты потеряешь подвижность, — он читал вслух, его голос был монотонным, как метроном. — Страх промаха снова парализовал пальцы. Ты боишься не меня, Алиса. Ты боишься себя. Твой талант — мусор, пока ты не научишься контролировать этот тремор в душе.

Я выхватила дневник у него из рук. Наши пальцы соприкоснулись. Его кожа была холодной, как металл стрелы. Я посмотрела на свои руки. Они не дрожали. Ни одного удара пульса в кончиках пальцев. Я была спокойна. Ледяная ярость заменила панику.

Глеб заметил это. Его брови едва заметно приподнялись. Тактика изменилась. Унижение больше не работало. Ему нужно было другое оружие.

— Сделка, — сказал он.

— Я не торгуюсь с психами, — огрызнулась я, засовывая дневник в рюкзак.

— Я буду твоим личным тренером. Персональным. Бесценным. Ты будешь моей личной мишенью. Не на поле боя, а в жизни. Каждый твой промах, каждая ошибка — я буду знать первым. Я буду исправлять.

Он шагнул ближе, вторгаясь в мое личное пространство так грубо, что мне захотилось отшатнуться, но ноги приросли к полу.

— Отказ равно исключение. Ректор подпишет приказ завтра утром. Денис не сможет защитить тебя второй раз. Цифры не спасают от человеческой воли.

Я понимала, что это капкан. Он хочет сломать меня изнутри, превратить в свою игрушку, проверить, есть ли предел у моей ненависти. Но пустота вне этих стен означала конец всему. Дом, работа, будущее — всё растворится. Здесь, в этой ловушке, у меня хотя бы есть шанс дотянуться до вершины, даже если путь туда проложен по стеклу.

— Почему я? — спросила я тихо.

Глеб улыбнулся. Впервые за день. Это была не улыбка радости. Это был оскал хищника, увидевшего достойную добычу.

— Потому что ты единственная, кто посмел посмотреть мне в глаза после того, как стрела коснулась моего щита. И потому что ты боишься промаха сильнее, чем смерти. Это интересно.

Он развернулся и направился к двери. Открыл замок.

— Завтра. Шесть утра. Опоздание — смерть.

Дверь закрылась, оставив меня одну в тишине раздевалки. Воздух стал разреженным. Запах его парфюма висел в воздухе, сладкий и удушливый. Я посмотрела на свои руки. Они всё еще не дрожали. Но внутри что-то надломилось. Сегодня я не просто выжила. Сегодня я начала игру, правил которой не знала, но выйти из которой было уже невозможно.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от неизвестного номера:

«Жду тебя завтра в 6 утра. Опоздание — смерть».

Глава 2

Виварий пах ржавчиной, потом и моим страхом. Это был технический отсек в подвале академии «Стрела», место, где обычно чинят сломанные дрели или хранят списанное оборудование. Но сегодня здесь была только я, мишень на стене и лук в моих дрожащих руках.

Глеб не кричал. Он просто закрыл дверь. Засов щелкнул с глухим, металлическим лязгом, отрезая меня от мира.

— Пятьсот выстрелов, — его голос донесся из динамика над дверью. Холодный, ровный, как скальпель. — Каждый день по пятьсот. Сегодня — до следующего рассвета. Если остановишься раньше — твоя стипендия аннулируется мгновенно. Ты знаешь правила игры, Алиса?

Я ударила кулаком в железную обшивку.

— Мне нужна вода! И перерывы! Тетива порвет мне плечо к утру!

В ответ дверь приоткрылась на ширину ладони. В проём просунулась бутылка воды. Я забрала её, и засов снова щёлкнул. Тишина. Потом тихий писк таймера. Обратный отсчет начался.

Травма — это цена входа. Так я услышала его условие: либо стреляй, либо уходи. Я ненавидела этот звук. Этот ритмичный «туп-туп-туп», который считал секунды моей карьеры.

Первые сто выстрелов были агонией. Мои пальцы горели, предплечье сводило судорогой так, что я шипела сквозь зубы. Воздух становился густым, влажным от моего дыхания. Я стреляла, потому что если перестану, он победит. А проиграть ему означало исчезнуть.

После пятисотого выстрела меня выпустили умыться и добраться до комнаты. Пять часов сна — и снова подвал. На второй день моя изоляция стала публичным развлечением.

Сначала я слышала смех за дверью. Потом голоса. Виктория. Её высокий, звонкий тембр резал тишину подвала, как нож масло.

— Слушайте, какой ритм! Бум-бум. Будто кто-то пытается догнать поезд, который уже уехал без него, — она хихикнула. — Говорят, она там потеет и дергается. Подопытный кролик для капитана. Девочки, посмотрите, как бедность заставляет людей работать за еду.

Звуки шагов многих ног. Шепотки. Щелчки камер телефонов, хотя съемка в коридоре запрещена. Они записывали даже звуки за дверью, превращая мою боль в контент для их сторис. Я прицелилась, рука предательски затряслась от ярости. Стрела ушла вправо, впившись во внешнее кольцо мишени. Проммах. Три кольца от центра.

— Неудачник, — бросила Виктория через дверь, даже не повышая голос. — Так и знай, ты никогда не будешь частью этого мира.

Я замерла, ожидая удара интеркома. Ожидая насмешки. Но вместо этого раздался сухой треск динамика, и голос Глеба, но теперь он звучал иначе. Не злобно. Инструктивно.

— Ты стреляешь сердцем, а надо головой. Боль — это просто сигнал нервов, игнорируй шум снаружи. Она хочет, чтобы ты сорвалась. Не давай ей этого удовольствия. Поправь стойку. Локоть ниже.

Это был первый ресурс, который он мне дал. Не милость. Инструмент. Я глубоко вдохнула запах металла и снова натянула тетиву. «Игнорируй шум.»

К третьему дню мое правое предплечье отказало окончательно. Мышцы онемели, пальцы не слушались. Я сидела на холодном полу, глядя на свой лук, как на монстра. Силы иссякли. Стипендия зависела от того, смогу ли я поднять эту палку еще хоть раз.

За дверью послышалась возня. Приглушенный спор.

— Пропустите! У неё травма, ей нужно обезболивающее! — голос Дениса. Знакомый, теплый, такой же слабый, как и я сейчас.

— Капитан приказал никого не пускать, — ответили охранники сухо.

Я вскинулась. Денис рискует всем ради меня. В первый день он уже вступился за меня перед комиссией. Если Глеб доберётся и до него, я останусь совсем одна.

— Денис! — я крикнула, ударив ногой в дверь. — Уходи! Не компрометируй себя! Я справлюсь сама!

Молчание. Потом тяжелые шаги удалялись. Сердце упало в пятки. Он поверил мне? Или его силой увели?

Внезапно засов щелкнул. Дверь открылась. На пороге стоял Глеб. За ним, растерянный и бледный, Денис с пакетом в руках.

Глеб забрал пакет у инженера, даже не глядя на него.

— Помощь сейчас — это убийство её карьеры, — тихо сказал он Денису, но так, чтобы я слышала. — Если ты вмешаешься, ты подтвердишь, что она слабая. Что ей нужен костыль. Хочешь этого?

Денис опустил голову и быстро ушел. Глеб вошел внутрь, аккуратно поставил пакет рядом со мной: еда, вода, мазь. Ни слова. Ни утешения. Просто действие. Он не стал меня жалеть. Он дал мне топливо. И это было страшнее любой жестокости.

Четвертый день принес новый уровень ада. Глеб вернулся с новым луком. Тяжелым, тугим прототипом, требующим двойных усилий для натяжения.

— Либо ты продолжаешь с поврежденной рукой, либо объявляю тебя непригодной и выгоняю из академии, — он бросил оружие на пол. Оно звякнуло, словно выстрел.

Я смотрела на свои трясущиеся руки. Это ловушка. Взять его — значит гарантировать травму и провал. Отказаться — значит сдаться.

Но внутри меня закипело что-то другое. Не страх. Злость. Чистая, дистиллированная злость на то, что они считают меня вещью, которую можно ломать и выбрасывать.

Я взяла лук левой рукой, правой держась за стену, чтобы подняться. Уперлась плечом в бетон, отпустила стену и взялась за тетиву. Боль пронзила плечо, белыми вспышками перед глазами. Опустила лук, положила стрелу на полочку, зацепила хвостовик за тетиву. Только потом потянула — медленно, миллиметр за миллиметром. Выстрел. Попадание в центр.

Еще один. И еще.

Глеб не делал записей в блокноте. Он просто наблюдал. Его взгляд, обычно оценивающий и презрительный, изменился. В нем появилась искра интереса. Как будто он увидел зверя, который впервые показал клыки не от страха, а от голода.

На пятый день Виктория ударила исподтишка.

Один из парней, обслуживающий технику, заглянул в камеру под предлогом проверки датчиков движения. Он выглядел виноватым.

— Алиса... они узнали про тренировки. Через камеры наблюдения. Виктория слила видео в общий чат курса. Там ставки. Сколько часов протянет «нищета» в клетке. Кто-то уже потерял деньги на том, что ты сдалась вчера.

Меня замутило. Ставки на мой позор. На мою боль. Они делали из меня шоу, как гладиатора на арене.

— Скажи им, что я сдалась, — прошептала я, чувствуя слабость. — Пусть перестанут писать.

Парень помедлил, готовый нажать кнопку на рации, чтобы передать ложь и прекратить поток сообщений.

Но я увидела, как он колеблется. Его желание помочь ценой моей чести. Нет.

— Стой, — резко сказала я. — Передай Глебу. Я хочу увеличить нагрузку вдвое. Пусть смотрят. Пусть делают ставки. Я покажу им, что такое несокрушимость.

Это был риск. Если я сорвусь после этого заявления, падение будет громче. Но я больше не хотела быть жертвой обстоятельств. Я хотела быть стихией.

Ночь на шестой день была самой долгой. Свет в Виварии погас. Резко, полностью. Темнота давила на глаза, на уши.

Шаги. Мягкие, осторожные. Кто-то крадется ко мне. Виктория? Её приспешники? Саботаж, чтобы напугать, чтобы я выстрелила наугад и сломала себе руку?

Я вскинула пустой лук, ориентируясь на звук дыхания. Стрелы остались в колчане: даже здесь я не собиралась выпускать их в человека. В темноте мои чувства обострились до предела. Я слышала каждый скрип пола, каждый вздох. Моя рука не дрожала. Она была стабильна, как скала.

— Стеляй, если хочешь, — шепнул голос из темноты. Знакомый низкий бархат.

— Ты видишь, что стрелы нет? — выдохнула я. — Не заставляй меня жалеть об этом.

Свет вспыхнул. Передо мной стоял Глеб. Он не ударил. Не напугал. Значит, это он крался ко мне, слушал, как я дышу, проверял, не потеряла ли я контроль в полной изоляции.

— Ты не боишься темноты, — сказал он, подходя ближе. — Ты боишься тишины после выстрела. Когда ты остаешься одна со своим результатом. Это твоя слабость, Алиса. Ты ищешь подтверждения в других. А надо искать его в себе.

Глава 3

Финальная проверка наступила на седьмой день.

Мы вышли в зал стрельбы. Узкое пространство, максимальная дистанция. Цель — яблочко размером с монету.

— Попадешь — выходишь из клетки навсегда. Нет — остаешься здесь, пока не сломаешься, — Глеб кивнул на мишень.

Я подняла лук. Руки все еще ныли, но боль стала фоном. Я сосредоточилась на дыхании.

И тут Глеб шагнул ко мне вплотную. Его губы коснулись моего уха, дыхание обожгло кожу. Секрет, который рушил всё.

— Виктория хотела подменить твой стабилизатор перед началом недели. Деталь и правда была неисправна. Я переставил ее и на второй лук.

Сердце пропустило удар. Предательство. Горечь во рту. Он знал? И молчал? Позволял мне унижаться, ломать себя о бракованный инструмент?

— Ты... ты знал? — Я развернулась к нему. Слезы гнева подступили к глазам. — Почему ты не остановил это?

Глеб отступил на шаг, его лицо оставалось непроницаемым.

— Потому что я хотел увидеть, сможешь ли ты найти ошибку, когда все вокруг уверяют, что ошибаешься ты. Я сам подменил деталь, Алиса. Чтобы проверить, сможешь ли ты стрелять идеально даже с бракованным оружием.

Признание ударило меня сильнее любого выстрела. Я едва не ухватилась за удобную мысль: значит, всё это было ради моего таланта. Но руку мне сорвал он. Не Виктория, не бракованный стабилизатор. Я могла компенсировать перекося лука — и собиралась это доказать. Только попадание не сделает его правым.

Я перевела взгляд с мишени на свои руки. Пальцы еще слушались. Глеб ждал, и я разозлилась на себя за то, как сильно хотела увидеть его лицо после попадания.

Мне хотелось верить, что он ищет равного. Но равных не запирают в подвале. Сейчас я хотела попасть, выйти отсюда и больше не позволять ему решать, сколько боли мне положено.

Я натянула тетиву. Стабилизатор вибрировал, лук тянул в сторону, как живая змея. Но я знала, где ошибка. Я чувствовала её кожей. Компенсация. Смещение веса. Мгновение тишины перед выстрелом.

«Бам.»

Стрела вонзилась в самое сердце мишени. Идеально.

Тишина зала оглушила. Глеб смотрел на мишень, потом на меня. Впервые за эту неделю я видела на его лице улыбку. Не саркастическую, не жестокую. Искреннюю. Почти болезненную.

— Ну что, — сказал он, подходя ближе, сокращая дистанцию между нами до минимума. — Ты доказала, что ты не случайность. Ты система.

Я не опускала лук. Мои пальцы все еще сжимали рукоять; выпущенная стрела торчала в мишени.

— Если ты знаешь, где моя слабая точка, — я посмотрела ему прямо в глаза, видя там отражение собственного вызова, — значит, ты тоже знаешь, где моя сильная. Почему ты до сих пор не сказал мне, кто именно подставил меня в первый день?

Глеб усмехнулся уголками губ, и в этой усмешке было столько обещаний и угроз одновременно.

— Потому что тогда ты бы не пришла сюда сама. Ты бы ждала спасения. А я ищу тех, кто создает себя.

Я опустила лук. Громов вошёл в зал с журналом нагрузки. Глеб мгновенно отвернулся от меня:

— Неделью потратили на случайную погрешность. Вернуть в общую группу. Результат пока не показательный.

Громов записал распоряжение. За его спиной толпились студенты, и Виктория уже улыбалась. Только что Глеб назвал меня системой — а теперь сделал вид, что я едва сдала норматив. Я забрала чехол и вышла раньше, чем кто-нибудь успел засмеяться.

Свет в зале за моей спиной начал меркнуть, оставляя мишени в полумраке. Игра только началась, но правила изменились. Я больше не мышь в его лабиринте. Я соавтор его плана. И я чувствовала вкус победы на кончике языка, смешанный со вкусом опасности.

Я вышла из зала, прижимая к боку чехол с луком, и пошла не к общежитию — мне нужно было пройти, пока в руках не утихнет дрожь. Гул зала остался за дверью, а слова Глеба неслись со мной.

Коридор пах хлоркой и чужим успехом. Я прижимала ладони к холодным стенам, пытаясь унять дрожь, которая была не от холода, а от унижения. Глеб только что публично назвал меня «случайной погрешностью», которую он вынужден терпеть ради эксперимента. Его голос был ровным, как скальпель, но каждое слово резало глубже любого крика.

— Извинись перед курсом, Алиса, — прошипела Виктория, загораживая мне путь. Её компания — три девушки в идеальных формах — стояла за спиной, как стая шакалов. — Ты опозорила капитана. Перед всем залом. Этого не было с тех пор, как ты сюда притащилась со своей нищетой.

Я подняла глаза. В их взгляде читалось ожидание: они ждали слез, просьб, мольбы о пощаде. Ждали привычного «нет», которое они привыкли ломать.

Но я просто посмотрела на дверь общежития за её плечом. Она была тяжёлой, металлической, с доводчиком, который всегда скрипел.

— Ты мешаешь мне дышать, — тихо сказала я.

Виктория фыркнула, делая шаг ближе, чтобы схватить меня за плечо. В этот момент я толкнула дверь. Не сильно, но точно в траекторию её движения. Массивный лист металла ударился о стену с грохотом. Виктория отпрянула от дверного края, и сквозняк из прохода швырнул прядь волос ей в лицо.

Она взвизгнула, отшатываясь, спотыкаясь о свои же ноги. Хаос длился секунду, но этого хватило. Я нырнула в темноту коридора, захлопнув дверь у них перед носом. Сердце колотилось так, что болели ребра. Я не стала жертвой. Я стала игроком. Пусть и грязным, пусть и рискованным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.